

«АРЗАМАССКИЙ УПОЛНОМОЧЕННЫЙ СЛУШАТЕЛЬ»:
П.А. ВЯЗЕМСКИЙ В ВАРШАВЕ

Татьяна Степанищева
(Тарту)

Действие французской литературы на умы 18-го века:
ум был достоинство, держава; цари искали союза с ним. — <...>
Даламберт: Фон-В[изин] оклеветал его. Искательства его и
других энциклопедистов были не подлость, а политические
домогательства: им нужен был союз дворов и вельмож, чтобы
утвердить свое положение: тем более, что во Франции они
угрожаемы бывали правительством. Даламберту верно нужны
были не деньги.

Старая записная книжка (1828)

Настоящая заметка посвящена историко-литературному сюжету, который применительно к русскому XIX веку лучше всего разработан на тютчевском материале — выход поэта в политическое пространство, попытка применить свои дарования в сфере государственной политики. П.А. Вяземский, обладавший сильным общественным темпераментом, на протяжении своего долгого пути не оставлял попыток выйти за границы литературной деятельности. При этом он остался, по выражению исследователя, «декабристом без декабря» [Дурылин]. Не пытаясь оспорить остроумную формулировку, мы обратимся к биографии Вяземского до 1825 г., чтобы прояснить, почему признанный вольнолюбец должен был остаться «без декабря». Точнее, мы обратимся к годам службы Вяземского в Варшаве (1818–1821 гг.), чтобы оценить направление первых шагов поэта в политике.

Служба при Н.Н. Новосильцеве, императорском комиссаре, полномочном делегате при Правительствующем Совете Царства Польского, закончилась для князя запретом на возвращение в Польшу и вызванной запретом демонстративной отставкой, продолжавшейся до конца 1820-х. Исследователи интерпретировали этот период как время нарастающего разочарования Вяземского в александровской политике, радикализации, почти приведшей поэта к декабристам. Действительно, биографические и творческие материалы дают основания для такой интерпретации: Вяземский близко общался с братьями Тургеневыми, с М.Ф. Орловым, собирался участвовать в арзамасском журнале (замысел которого сложился под влиянием будущих декабристов), писал заведомо невозможные для цензуры стихи. Если рассматривать путь Вяземского с точки зрения 1825 года, действительно следует признать, что поэт не дошел до закономерного итога, уклонился от декабристского направления, остался «декабристом без декабря».

Изучение творческого пути писателя «в обратной перспективе» имеет основания. Но при анализе общественно-политических воззрений это приводит к односторонним заключениям. В случае с Вяземским, как нам видится, так и произошло: оппозиционность поэта была переоценена. Поэтому мы рассмотрим варшавские воззрения и деятельность Вяземского в «прямой перспективе» — не 14 декабря, а александровского правления, попытаемся набросать картину, в которой не будет предопределенности движения. В основном мы будем говорить об отношении князя к службе и отчасти о поэзии.

Князя П.А. Вяземского готовили к службе — в соответствии с семейной традицией не военной, а статской. Отец, Андрей Иванович Вяземский, занимавший важные посты при Екатерине и при Павле, дал сыну образование неясного направления, но с преобладанием точных наук. Служба началась для Петра Вяземского только после смерти отца. В 1807 Карамзин выхлопотал ему место в Межевой канцелярии, а в 1811 г. по ходатайству Дмитриева юноша получил звание камер-юнкера. Идея служения государству в это время

Вяземского не занимала. Он был более занят светской жизнью, литературой; довольно рано по тогдашним меркам обзавелся семьей.

1812 год изменил его отношение к дворянским обязанностям. Вяземский записался в полк Дмитриева-Мамонова, затем был принят адъютантом к Милорадовичу. Патриотизм одушевил князя, как многих его современников, и, видимо, побудил задуматься о дальнейшем «служении». Если в 1813 г. Вяземский просто собирался переехать в Петербург (его привлекала возможность соединения друзей-литераторов; см., например, в письме А.И. Тургеневу от 29 октября: «Зачем нашей братии скитаться, как жидам? <...> Когда заживем мы по-братски: и душа в душу, и рука в руку» [ОА: I, 19]), то уже в 1814 году его планы получили большую определенность.

В июне 1814 г. Вяземский писал А.И. Тургеневу: «Скоро, скоро думаю тебя обнять: приеду в сентябре в Петербург и стану стучаться у дверей министров. Хочу служить и служить усердно» [ОА: I, 24–25]. Тем же летом он стал известен при дворе — благодаря своей «Надписи к бюсту императора Александра I» («Муж, твердый в бедствиях и скромный победитель...» [ПСС: III, 45]), за которую автор получил от вдовствующей императрицы бриллиантовый перстень, первый знак личного признания¹. Напечатанный за подписью автора в брошюре «Описание праздника, данного в Москве в мае 1814 г. по случаю взятия Парижа 19 (31) марта 1814 г.», катрен стал полновесным дебютом князя в печати.

В марте 1815 г. Вяземский обратился к А.И. Тургеневу, делавшему успешную административную карьеру², уже с ясной просьбой о протекции:

Прибегаю к тебе, мой милый Тургенев, с решительной просьбой, на которую прошу заранее отвечать решительно. Я хочу ехать в Петербург и служить, но по какой части — не знаю: от полиции до дипломатики, от Архангельска до Мадрита бродит мое воображение и едва останавливается где-нибудь. Тебе, советам твоим, дружбе твоей поручаю указывать мне, где и как бросить свой страннический посох. Признаюсь тебе, что желание мое и сам рассудок манит меня в Германию ко двору или Веймарскому, или тому, где будет царствовать великая княгиня³. Там, сверх службы, будут мне средства заняться и учиться, чего мне весьма хочется; там можно мне будет жить умеренно, чего мне также весьма хочется и что необходимо для меня, чтобы привести в устройство минутными шалостями и долгою беспечностью немногого, или, чтобы сделать антитезу, порядочно расстроенное мое состояние. Впрочем, решившись продать некоторую часть имения моего для уплаты совершенной всех моих долгов и имея виду весьма изрядный остаток, я почти готов и отказаться до времени от переселения в чужую землю, если мне открылось бы здесь место приятное, и в котором я мог бы употребить в пользу малую толику способностей, коими наградило меня небо. Но могу ли надеяться с мелким чинишком своим занять хорошее место, хорошее по важности исполнения? Нет, не думаю: nul n'est prophète en son pays. Кажется, по всем нравственным и политическим причинам, по всем выгодам умственным, карманным, настоящим и будущим полезнее для меня обратиться куда-нибудь. <...> Не будет ли какой перемены в министерстве просвещения, то есть, не переменится ли министр? Здесь говорят о Н.Н. Новосильцове: служение по этому министерству и при таком человеке может меня соблазнить [ОА: I, 26–28].

Примечательно, как Вяземский здесь определил локализацию службы: он хотел служить России по возможности подальше от нее (сходные мысли высказывал Н.И. Тургенев, не желавший после окончания европейской кампании возвращаться в Россию). Еще более существенен пассаж о выборе ведомства. Упоминание полиции вряд ли можно счесть

¹ Ю.А. Нелединский напутствовал его: «Настраивайте лиру вашу; поприще славы открыто вновь героям нашим и певцам их подвигов» (цит. по: [Бондаренко: 84]).

² А.И. Тургенев с 1810 г. исполнял должность директора в департаменте Главного управления духовных дел иностранных исповеданий; с этой должностью он соединял звания помощника статс-секретаря в Государственном совете и старшего члена Совета Комиссии составления законов. В 1817 г. стал директором Департамента духовных дел в Министерстве духовных дел и народного просвещения.

³ В Веймаре жила вел. кн. Мария Павловна, супруга великого герцога Карла Фридриха Саксен-Веймар-Эйзенахского; вел. кн. Екатерина Павловна, овдовевшая в 1812 году, в январе 1816 г. стала супругой короля Вюртембергского Вильгельма I.

шуткой. У Тургенева оно не вызвало недоумений или возражений⁴. Очевидно, что репутация полиции, незадолго до того устроенной Сперанским, еще не установилась, Вяземский собирался действительно служить правительству и императору.

Дипломатическое поприще привлекало поэта более, о чем свидетельствует подробная мотивировка его выбора. Вяземский надеялся, став дипломатом, попасть на глаза государю:

Если война примет вид важности и постоянства, то лучше всего начать службу, связанную с нею, то есть, по дипломатической части. Лучше заложить первое основание под глазами государя: может быть, будет случай и показать себя с успехом. Можно ли получить ассесорский <sic!> чин без экзамена? [ОА: I, 31]

Имя Новосильцева в этих письмах уже появилось, но пока вне связи с Польшей. Вяземский видел его будущим министром просвещения, и в таковом качестве — своим возможным будущим начальником. Хотя участие Новосильцева в работе Негласного комитета осталось в прошлом, а репутация пошатнулась, Вяземский полагал новое его возвышение возможным.

Приведенные эпистолярные фрагменты характеризуют представления Вяземского о будущей службе: устремления его неопределенны (желание то ли сделать карьеру, то ли поправить состояние; то ли поехать учиться, то ли уехать от России подальше; вероятнее всего, ни одно не было решающим, важна именно их сумма), но существенна ориентация на императора (Вяземский на службе явно хотел попасть в поле его зрения). Это все примечательно для биографии «вольнодумца». Выбирая возможных начальников, Вяземский вспоминал о людях начала александровского правления, не принимая во внимание произошедших с ними эволюций и полагаясь на осведомленность Тургенева⁵. Князь не представлял ни направления службы, ни своих обязанностей, соглашался на любое «хорошее место», и успех службы ставил в зависимость от императора, а не своей пригодности. Такой сценарий службы принадлежал прошлому веку. Но стоит отметить, что дворянам александровской либеральной эпохи она не казалась устаревшей. Амплуа свободолюбивого дворянина еще не предписывало ограничений в выборе служебной деятельности.

Место Вяземский получил только в 1817 г. Одной из возможных причин промедления было увлечение князя литературными баталиями в «Арзамасском обществе безвестных людей».

Хотя история «Арзамаса» была изучена довольно подробно и в последнее время рассмотрена заново, место Вяземского в ней трактуется довольно традиционно. Его причисляют к радикальной группе арзамасцев (М.Ф. Орлов, Н.М. Муравьев и Н.И. Тургенев). Но риторика Вяземского, действительно напоминающая декабристскую, целила, скорее, в литературных, а не политических противников (хотя выбор литературного направления в то время имел явные политические обертоны). Составленный Вяземским проект арзамасского журнала, который Ю.М. Лотман трактует как политический [Лотман: 432–437], весьма архаичен: это сатирический журнал просветительского направления, ориентированный на новиковские опыты такого рода. Вяземский предполагал вести в нем раздел «Нравы», который собирался «назвать *Живописцем* в честь покойника» и помещать в нем «картины общих нравственных повестей, переписку со всеми губерниями...» и т.д. Раздел политики предполагалось наполнять лишь «простодушным изложением полезнейших мер, принятых чужими правительствами для достижения великой цели: *силы и благоденствия народов*», что

⁴ Хотя в 1819 г., после смерти Вязмитинова, А.И. Тургенев писал Вяземскому: «Вчера раздалась по городу весть о назначении нового министра полиции и внутренних дел в лице графа Кочубея, а Балашев — генерал-губернатором пяти низовых губерний. Указов мы еще не читали. Жаль, что фатальное название полиции не исчезло при сей верной оказии» [ОА: I, 344].

⁵ Тургенев тогда советовал Вяземскому не ехать в Петербург сразу, потому что императора в столице нет, и если он приедет, то ненадолго. Дело откладывается на два года.

сделало бы в «Китайской стене, отделяющей нас от Европы, не пролом, открытый наглости всех мятежных стихий, но по крайней мере отверстие, через которое мог бы проникнуть луч солнца, сияющего на горизонте просвещения» [Арзамас: 460]. Программа этого раздела, как видно, весьма умеренная. И если к другим разделам («Нравы», «Словесность») Вяземский возвращается дальше, чтобы раскрыть их содержание, то о «Политике» более не говорит. Судя по этому журнальному проекту, риторический накал был скорее элементом поэтики Вяземского, нежели знаком его политического радикализма.

В 1817 г. Вяземский получил, наконец, новый чин и назначение — в Варшаву к Новосильцеву⁶. Его реакция на назначение была неоднозначной; приписка А.Я. Булгакова к письму А.И. Тургеневу от 3 сентября свидетельствует о нерешительности Вяземского, граничащей с недовольством: «Вяземский еще не образумился и не знает, что с ним будет. Последствия ему покажут, что ему открывается путь славный» [ОА: I, 84].

Ситуация в Царстве Польском, видимо, мало интересовала Вяземского до того, как он попал в Польшу. Однако полякам была дарована конституция, русского варианта которой ждали или боялись в России. Дипломатическое назначение, конечно, открывало перед Вяземским широкие возможности. Кроме того, в Варшаве находился великий князь Константин Павлович, которого считали наследником бездетного императора — тут возникала отдаленная, но все же ясная карьерная перспектива для правительственного чиновника. Давнишнее желание Вяземского исполнилось — он был назначен почти за границу («в Европу», противопоставление Польши настоящей Европе у него появится позже), на почти дипломатическую службу. Видимо, эти аргументы решили выбор князя.

Обязанности нового чиновника при Новосильцеве определились не сразу. Как нам представляется, это близко напоминает военный эпизод биографии Вяземского: ощущение необходимости служить, период неопределенности, выбора, а затем случайное попадание «на место». В конце концов вновь назначенный чиновник занялся переводами французских речей Александра, обращенных к польскому сейму, и составлением документов.

Внешне не слишком значительное, место переводчика отвечало амбициям Вяземского. Конституционный проект Александра выдвинул Польшу на передний край русской политики. Вяземский как переводчик связанных с этим проектом речей и текстов становился причастен к созданию нового политического языка, так это видел он сам, так это представляли и его современники⁷. Неясное, вначале нежеланное назначение в Варшаву оказалось в русле арзамасских планов, культурных и просветительских⁸.

⁶ Как это произошло, в точности неизвестно. Есть два варианта описания, в исповеди 1829 г., адресованной императору Николаю, и в мемуарах. В первом акцентирована репутация Новосильцева:

До 1817 года был я не замечен правительством. Темная служба, пребывание в Москве хранили меня в неизвестности. <...> Приезд в Москву Н.Н. Новосильцова переменил судьбу мою. По некоторым благородным преданиям о прежней службе его, я уважал Новосильцова. Между тем мне всегда казалось, что не могу служить с удовольствием иначе, как под начальством человека просвещенного, образованного и лично мною уважаемого; потому, остававшись в долгом бездействии, я стал искать случая служить при Новосильцеве [ПСС: II, 85–86];

во втором — пассивность Вяземского, не искавшего места при Новосильцеве:

«Генерал Бороздин, старый приятель отца А.И. Вяземского» ...пригласил меня обедать с Новосильцевым, представил и, так сказать, без особенных предварительных объяснений со мною передал меня ему на руки. Новосильцев благосклонно принял меня; участь моя была решена, если не против воли моей, то, так сказать, помимо воли моей» [цит. по: Перельмутер: 47].

⁷ Ср. реплику в письме 1820 г.: письмо неаполитанского министерства ко всем державам — «победительной силы по своей ясности и истине», а у русских «дипломатический оссианизм и библейское словоизвятие» [ОА: II, 114].

⁸ Ср. высказывание С.С. Ланды: «Вяземский чувствовал себя представителем арзамасского общества, находившегося к тому времени в состоянии распада. Он пытался вести борьбу за объединение сил на основе новой политической программы, ориентированной на конституционные планы Александра I. Его переписка с братьями Тургеневыми, М.Ф. Орловым, В.А. Жуковским и, наконец, с Карамзиным пронизана стремлением восстановить арзамасское общество не в виде литературной организации, а как содружество людей, объединенных общими политическими интересами» [Ланда: 73]. Это суждение может подкрепить

Переводы Вяземского воспринимались им и его кругом как одновременно литературное событие и общественный жест. Хотя в дружеской переписке эвфемистические неологизмы *законносвободный* и *законоположение* постоянно обыгрывались, Вяземский гордился своим лингвистическим творчеством. Он посылал списки друзьям (хотя речи печатались в периодике) – для распространения и, в частности, для редактирования — так же, как посылал для правки свои стихи (см., например, письмо Тургенева от 28 сентября 1820 г., с правкой Жуковского). Таким образом, служебная деятельность стояла в одном ряду с литературной, почти сливалась с ней.

Вяземский был недоволен языком русской дипломатии и считал необходимым его обновление. См., например, реплику в письме 1820 г.: письмо неаполитанского министерства ко всем державам — «победительной силы по своей ясности и истине», а у русских лишь «дипломатический оссианизм и библейское словоизвитие» [ОА: II, 114]. Это противопоставление находит очевидную параллель в борьбе карамзинистов с писателями «Беседы» (ясность и вкус против темноты и безвкусицы). Арзамасцы с их ясным и изящным стилем письма представлялись Вяземскому необходимыми сотрудниками императора в деле устройства конституции⁹.

«Слог», литературный стиль был орудием служения Вяземского¹⁰. Манера письма становилась инструментом выражения независимого мнения автора, ср.: «На меня наложили работу и для кого же? — Для Аракчеева! За то каким злодейским слогом и отшлепаю ее!» [ОА: II, 120]. Писатели на государственной службе в России бывали, но столь тесного сближения писательства со службой, кажется, у них не было.

Собственный «политический дискурс» Вяземского восстанавливается по письмам и записным книжкам. Его риторика строится на метафорах, на басенных аллегориях. Так, например, он писал об изгнании иезуитов из России: «В вашем доме завелись ужи и змеи, а вы расставляете мышеловки и с торжественностью вешаете пойманных мышей на дверях на диво прохожим» [ОА: II, 33]; или о европейских революциях 1820 г.: «Человек мечется. Вы говорите: “Он испорчен”, и начинаете читать ему проповеди. Нет, он болен, он требует помощи. Пища, которую вы даете ему, нездорова; ноши, которые вы ему на плечи кладете, несносны и проч. и проч. <...> очистите душную атмосферу, которая тягчит больного, и тогда скажите ему: “Смирись!”» [ОА: II, 50]. Характерно, что в эти годы Вяземский увлекся и басенным жанром (см., например, «Доведь»).

Вяземский хотел совместить служебную и литературную деятельность, в его представлении цель их была одна: пробуждение России к реформам, замысел которых шел от императора. Главный источник сопротивления им Вяземский видел в «невежестве гражданском и политическом». Именно оно является причиной инертности русского общества — и потому России нужен «будильник» (в переписке Вяземский сравнивал с будильником и арзамасский журнал, и себя самого; ср.: «Сохрани меня, боже, зажигать море, но избави, боже, и не делать шума. Этот шум — не набат, а будильник» [ОА: II, 144]).

Высшее чиновничество тоже одержимо невежеством и потому препятствует реформам. Его представителям Вяземский противопоставляет свой «ближний круг» и царя, который с народом «действует согласно» — «по крайней мере, по-видимому»; в верхах сидят «запоздалые», «дипломатические Оссианы», которые «цепляются за царей и сбивают их ход» [ОА: II, 117]. Доверие к Александру он сохранил даже после неудачного

наши предположения, но кроме того, оно интересно как пример характерного для советских исследований о Вяземском преувеличения его политического радикализма.

⁹ См. об этом главу шестую (“Sola scriptura”: «Образцовый слог» на службе государства) монографии М. Майофис [Майофис: 311–319]. Основная ее часть посвящена деятельности Д.Н. Блудова, о Вяземском сказано немного. Автор приписывает такое отношение к языку «новым» арзамасцам. Вяземский – в числе «старых».

¹⁰ Он исповедовал иную, нежели Державин, веру в отношение слов и дел писателя, считал именно «слова» важнейшими для суда потомков.

второго сейма; ср. письмо от 2 октября: «Из всех, его здесь и везде окружающих, он видит выше; вместо того, чтобы ему облегчать зрение, все эти слепни затемняют ему свет Божий; но и тут проскакивают орлиные взоры» [ОА: II, 79]¹¹.

«Запоздалым» поэт приписывал революционные интенции: «в беспамятстве хватаетесь вы за священнейшие опоры: за веру, достоинство престолов, и, дай вам волю, — кончите тем, что и их завлечете в свое падение». Им приписано и «самовластие» — в эпистолярной Вяземского это не синоним самодержавия: «таким образом характеризуются любые злоупотребления властью, обнаруживающиеся в разных отраслях правления и разных областях Российской империи» [Лейбов, Осповат: 275]. При том, что слово это в начале XIX в. использовалось в разных значениях, как в позитивных, так и в негативных, у Вяземского круг значений сужен, что важно учитывать при интерпретации его высказываний. Он не применяет это слово в характеристиках императора (Александр желает введения «законоположений», а самовластие есть отсутствие законов, деспотическое управление).

Вяземский видел своей главной задачей в качестве агента модернизации истолкование прогрессивных мер. Польская конституция была неоднозначно воспринята даже в либеральных кругах, речи императора на сейме были не услышаны, а «подслушаны», по выражению поэта, в России — поэтому возникла нужда в переводчике, который разъяснил бы истинный смысл речей. Вяземский, называя себя «арзамасским уполномоченным слушателем и толмачом» императора, явно претендовал на эту роль.

Литературные задачи по важности следовали сразу за политико-просветительскими. Так, когда Вяземский писал о задаче журнала «навести общее мнение на правильное созерцание государя в Варшаве, посреди представителей народных, беседующего с ними о благах общественных и требующего от них не безмолвного, не рабского повиновения, но советов и послушности обдуманной», следующим объектом внимания журнала он называл «Историю» Карамзина — «эпоху в истории гражданской, философической и литературной нашего народа» [ОА: I, 107]. То есть, для него словесность была инструментом государственного строительства.

Как знак признания императором этого факта и его готовности к диалогу истолковывал внимание императора к писателям-«арзамасцам» не только Вяземский. Так, Н.И. Тургенев в 1816 г. горячо одобрил награждение Уварова (за университет) и Жуковского (за «Певца во стане». См. об этом: [Майофис: 284]). Вяземский был доволен тем, что заслуги Жуковского признаны при дворе. Опасения он начал высказывать только тогда, когда Жуковский уклонился от правильного пути, начал «слишком уж мистицизировать» и «бренчать на распятии» (осмелимся предположить, что опасения были реакцией на сближение поэта с «малым» двором). Эти упреки относятся как раз к началу варшавской службы Вяземского.

Переоценка придворного положения Жуковского, как нам видится, связана с изменением представлений Вяземского о собственной миссии как писателя. Вместо бойкого эпиграмматиста, «колотящего в гроб» «врагов здравого смысла» он (при Новосильцеве) ощущал себя интерпретатором новой доктрины, исполнителем/истолкователем «модернизационного проекта». Оставаясь писателем («я теперь словами промышляю» [ОА I, 109]), Вяземский стал писателем на службе, что изменило его авторскую стратегию.

Примечательно, что во второй половине 1810-х Вяземский особенно интересовался историей отношений писателя и власти, диалог писателя и самодержца. Обращаясь к

¹¹ Вообще отношение Вяземского к Александру I очень сложно и от того до сих пор подробно не исследовано. Отдельные наблюдения здесь не могут прояснить общую картину. Ср., например, характерное разноречие в статье С.С. Ланды: отметив «неоправданно преувеличенные надежды» Вяземского «на личную инициативу Александра», буквально на следующей странице он пишет, что «[л]егкая ирония и скепсис в отношении к конституционным начинаниям Александра I, свойственные в 1818 г., перерастают в сарказм и негодование» [Ланда: 185-186].

биографиям Вольтера, Державина, Горация, он выделял именно эти эпизоды, и в их оценке был далек от критики или пессимизма. Не говоря о Карамзине, критическая оценка которого была невозможна, даже поэтические обращения Жуковского к царю 1812–1814 гг. Вяземский ставил высоко, критикуя лишь павловские стихи и сборники—«веники»¹² — как знак «измельчания», «усыпления» поэта. Вяземского задевало то, что преемник Карамзина, занятого созданием русской истории (что гораздо важнее стихов), воспевал даже не луну, а носовые платки павловских фрейлин. В этой ситуации критику Жуковского было естественно принять на себя обязанность поэтической поддержки императора, когда «шайка противников с каждым ударом усиливается» [ОА: II, 59].

Варшавские стихотворения Вяземского обычно трактуют как самые вольнолюбивые, самые «декабристские» по настроениям — «Негодование», «Сибирякову», «Медведь», подражание Горацию («К кораблю»). Тот, кто читал их после 14 декабря, конечно, воспринимал их в этом ключе. Но на момент создания они имели, как нам представляется, несколько иной смысл.

Почти все стихи, написанные в Варшаве, Вяземский отсылал в Петербург, первым делом — А.И. Тургеневу. Кроме него, стихи пересылались и Жуковскому, который не только редактировал, но так же, как Тургенев, занимался их распространением. Жуковский нес службу при дворе, А.И. Тургенев же был вхож и в придворные круги (к императрице, прежде всего), и во все петербургские гостиные, по которым «разносил» новости всякого рода. Посылая им варшавские стихи, Вяземский очевидно рассчитывал, что они дойдут (будут доведены) до сведения государя и его близких. Так, например, в руки императрицы попали не проходившие цензуры «Негодование» и послание Каченовскому.

О том, что варшавские корреспонденции Вяземского были рассчитаны на высочайшего петербургского адресата, по нашему мнению, свидетельствует рукопись, датированная 1820-м годом. Это явно черновик письма, но адресат его остается непроясненным. В некоторых фрагментах это А.И. Тургенев, постоянный собеседник Вяземского тех лет, сообщивший Вяземскому о восстании в Семеновском полку (в письме от 20 октября 1820 г. [ОА: II, 90–91]). Однако другие фрагменты не могут иметь иного адресата, кроме императора. Осмелимся предположить, что именно поэтому письмо осталось в черновике (оно было опубликовано лишь в 1962 г., см.: [Гиллельсон] и [Ланда: 194–198]). Начав с обращения к Александру Ивановичу, Вяземский продолжает письмо обращением к Александру Павловичу, но связь здесь не ассоциативная, а сюжетная. Рукопись начинается с одушевленного отзыва на восстание в Семеновском полку:

Не крестьяне, брошенные на произвол алчности помещиков; не мы, бедная шляхта, <...> явно обращенная в подножие колосса воинственного, напоминает уму надменному, что есть предел терпению, граница нравственным безобразностям! Нет! Этот голос пробудительный грянул из уст тех самых, для коих все было принесено в жертву. Не знаю, как вы смотрите на это вблизи; но в отдаленности мне кажется это одним из важнейших событий нашего времени. <...> Мы, если и воображали когда русский мятеж, то вооруженного топором, восплаяемого пьянством и грабежом, разбивающего кабаки; но вдруг видеть мятеж хладнокровный <...> Вот прекрасная диверсия тропаским действиям. Эта выскочка не хуже высадки во время Венского конгресса.

Затем Вяземский сетует на одиночество в такой момент императора: «Не могу притом без ужаса и уныния подумать об одиночестве государя в такую важную минуту. Кто отзовется на его голос?» — после этого фрагмента адресация отчетливо меняется:

Да чего бояться тебе? <...> К чему эта недоверчивость к себе, которая вовлекает в недоверчивость к другим? У тебя довольно своего света не пугайся, свет чужой не затмит его, напротив, придаст новый блеск твоему, сольется с твоим и разольет пространнейшее сияние, которое на тебе же одном отразится. Не забывайте, что Вы баловни неба! История даже и за то Вам сказывает спасибо, что при жизни Вашей в областях, Вам подвластных, родились великие люди, в коих Вы ни душою, ни

¹² В августе 1819 г. Вяземский читал польским поэтам именно отрывки из «Певца во стане русских воинов» и из посланий Жуковского Александру I, см. [ОА: I, 277].

телом не виноваты. <...> Что Вам хорошего в припадок решительный скажут Волконские и Ожаровские¹³, которых Вы за колесницею своею тащите по белому свету, как будто с тем, чтобы похвастаться в глазах людей бесплодием земли Вашей? <...> Мы за себя не стоим: Вам с нами скучно, неловко: верю; но не знайтесь с нами, а по крайней слушайте нас, хоть в слуховое окно. За речи свои стоим; ибо голос совести не обманчив и мы носим убеждение, что говорит в нас нечто свыше нас [цит. по: Ланда: 198].

Этот фрагмент можно сравнить с пушкинским «Воображаемым разговором с императором»: Вяземский обозначил модус и направление желаемого диалога с государем. В таком виде он был заведомо невозможен (и даже метафорика была, как это характерно для Вяземского, физиологична, а местами почти кощунственна: «природная изгага от всего низкого», «дева самовластия проломлена» и т.п.).

Этот текст, видимо, возник спонтанно и не предназначался для дальнейшего распространения. Со стихами, как мы заметили выше, дело обстояло иначе: Вяземский писал их для русских читателей (и для августейшего читателя), постоянно пересылал в Россию и хотел видеть напечатанными. Стихи он мыслил как общественный жест – это давно отмечено, но стоит присмотреться, какого рода этот жест. Почти о каждом стихотворении Вяземского варшавского периода с более или менее общественным содержанием говорилось, что идейные посылки его выглядят весьма умеренными. Но констатация «умеренности» не мешала, тем не менее, утверждать, что в целом Вяземский был весьма радикален. Ср. комментарий Л.Я. Гинзбург к стихотворению «Сибирякову»: «Послание к Сибирякову — характерный документ вольнолюбия и антикрепостнических настроений конца 1810-х гг. Тема трагической судьбы крепостного интеллигента, человека, приобщившегося к образованию и оставшегося собственностью помещика, трактуется в умеренном духе. Вяземский призывает своего героя не к активному протесту, но к осознанию своего внутреннего достоинства и “внутренней свободы”» [Гинзбург]. Характерен отзыв об этом стихотворении А.И. Тургенева, читавшего послание Сибирякову в присутствии брата, Н.И. Тургенева, и Пушкина: «Пушкин бесится, что ты отнял у него такой богатый сюжет, а я этому рад; ибо он пересолил бы самое негодование» [ОА: I, 304], — косвенное подтверждение того, что Вяземский не «пересолил», т.е. не превысил градуса негодования.

Более того, если сравнить, например, финал стихотворения «Петербург», которое считается одним из самых радикальных поэтических высказываний Вяземского, с посланием Жуковского «Императору Александру», между ними обнаружится определенная мотивная и смысловая близость. Недаром Вяземский назвал эту часть стихотворения «воззванием к императору» [Вяземский: II, 101]. Мнение современников о «Петербурге», как кажется, подтверждает нашу догадку. Оно дошло до нас в передаче самого поэта; после своей поездки в Москву Вяземский из Варшавы писал А.И. Тургеневу: «Как ругают мой *Петербург!* Как ругают “Теорию налогов”! Про меня говорят, что я писал эти стихи по высочайшему повелению и продал свою дворянскую душу за чин и за рескрипт. Говорят: “Признаюсь, мы не ожидали такого от Вяземского!”» [ОА: I, 180]. Существование таких слухов в конце 1810-х гг. позволяет считать позднейшую реплику Вяземского об умеренности его «Петербурга» и «Негодования» (в «Исповеди» 1829 г., адресованной Николаю Павловичу) не попыткой задним числом сгладить свой радикализм, а адекватным отражением авторской концепции. Действительно, в финале «Петербурга» можно было прочесть дифирамб царю — этот жанр был уже анахронизмом и в сравнении с ситуацией конца 1812–1814 гг., когда популярность императора была высока; и на фоне изменившегося отношения к месту писателя при дворе. Но Вяземский, в своих представлениях о диалоге царя и поэта ориентированный на прошлый век, не чувствовал анахронизма. Для него независимость поэта была аксиомой, и официальная служба не ставила ее под сомнение. Тем более, что

¹³ Начальник Главного штаба князь Петр Михайлович Волконский и генерал-адъютант граф Адам Петрович Ожаровский. Они находились в свите Александра I во время конгресса в Троппау.

все эти варшавские стихотворения неизменно сталкивались с цензурными препонами. Тот смысл, который Вяземский вкладывал в свои «законносвободные» стихотворения, оказывался непрочитанным, «подслушанным», так же, как речи императора в Варшаве.

На службе поэт встретил сходное непонимание, пытаясь через голову «запоздалых» обращаться к Александру в расчете на полное соответствие своих стремлений его планам. Но, построив такую схему, в которой вольнолюбивые арзамасцы и царь-либерал вместе противостояли «политическим Оссианам», Вяземский неверно оценил ситуацию. Александровский либерализм, очень неопределенный в своих очертаниях, позволявший свободолобцу думать о службе в полиции, во второй половине 1810-х гг. сменился новым курсом. Нужно было выбирать между полицией и свободолобием. Запрет на возвращение в Варшаву был для Вяземского особенно чувствителен, так как показал необоснованность надежд на главного адресата его варшавских замыслов — на императора. Либерализм Вяземского простирался не далее оптимистически понятых планов Александра I. Но в таком виде он оказался не востребован, и Вяземский, неожиданно для себя, оказался в стане оппозиции.

ЛИТЕРАТУРА

Вяземский — *Вяземский П.А.* Полное собрание сочинений. Т. I–XII. СПб., 1878-1896.

Арзамас — Арзамас: Сборник в 2 кн./ Под общ. ред. В. Э. Вацура, А. Л. Осповата. Кн. 1. М., 1994.

Бондаренко: *Бондаренко В.* Вяземский. М., 2004.

Гиллельсон — *Гиллельсон М. И.* Материалы по истории арзамасского братства // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 287–326.

Гинзбург — *Гинзбург Л.Я.* [Комментарий] // Вяземский П.А. Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л.Я. Гинзбург. Л., 1958. <http://www.rvb.ru/19vek/vyazemsky/02comm/072.htm> (дата просмотра 21.06.2013)

Дурылин — *Кутанов Н.* [С. Дурылин]. Декабрист без декабря // Декабристы и их время. Т. II. М., 1932.

Ланда — *Ланда С.С.* О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. 1816—1821 гг. (Из политической деятельности П.А. Вяземского, Н.И. и С.И. Тургеневых, М.Ф. Орлова) // Пушкин и его время. Л., 1962. Вып. I. С. 67–231.

Лейбов, Осповат — *Лейбов Р., Осповат А.* «Вас развратило самовластье»: комментарий к тютчевскому стиху // *Сop amoge: Историко-филологический сборник в честь Любови Николаевны Киселевой.* М., 2010.

Лотман — *Лотман Ю.М.* П.А. Вяземский и движение декабристов // Он же. О русской литературе. Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы. СПб., 1997.

Майофис — *Майофис М.* Воззвание к Европе. М., 2008.